

О проблеме понимания видового объекта половых преступлений

Н. В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: academnauka@rambler.ru

В статье исследуется видовой объект половых преступлений. Отмечается, что законодатель не использует традиционный способ закрепления видового объекта этих преступлений, который заключается в отражении его в наименовании соответствующей главы УК РФ. Это обстоятельство обуславливает необходимость научного осмысления исследуемой категории. Доказывается, что принятый в науке подход, признающий видовым объектом половых преступлений сложившийся в обществе уклад половых отношений, нельзя признать удачным, так как сложно описать нормативно отношения, которые не могут быть оформлены в виде предписаний и правил. Видовым объектом половых преступлений предлагается понимать половые отношения, которые представляют собой взаимодействие между людьми с целью удовлетворения половой потребности. По мнению автора, такие отношения включают множество компонентов личного свойства, которые носят общественный характер только в той части, в которой затрагивают права и законные интересы других лиц. При этом составлять предмет уголовно-правовой охраны могут только те, нарушение которых может влечь наступление вреда той степени общественной опасности, которая достаточна для криминализации деяния, а необходимый уровень защиты не может быть достигнут другими мерами и при соблюдении допустимого уровня вмешательства государства. В таком понимании половые отношения как видовой объект половых преступлений имеет более узкое содержание, чем половые отношения вообще, что обуславливает рациональность перечисления в наименовании главы 18 УК РФ наиболее важных принципов половых отношений: половой свободы, половой неприкосновенности, нравственного и полового развития несовершеннолетних.

Ключевые слова: половая свобода, половая неприкосновенность, уклад половых отношений, нравственность, половое развитие несовершеннолетних.

On the Problem of Understanding the Subsumee of Sexual Offences

N. V. Tydykova

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: academnauka@rambler.ru

The article studies the subsumee of sexual offences. It is noted that the legislator does not use the traditional way of formalizing the subsume of these crimes as enshrined in the relevant chapter of the Criminal Code of the Russian Federation. This circumstance determines the need for scientific understanding of the category under study. It is proved that the approach adopted in science, which recognizes the pattern of sexual relations established in society as the subsumee of sexual offences, cannot be considered successful, as it is difficult to describe within the legal norm the relations that cannot be formalized as prescriptions and rules. It is proposed to understand sexual relations, which represent interaction between people for the purpose of satisfying sexual needs, as the specific object of sexual offences. In the author's opinion, such relations include many components of private nature, which have public character only in the part where they affect the rights and legitimate interests of other persons. At the same time, the subject of criminal law protection can be only those interests, the violation of which may entail the occurrence of harm to the degree of public danger, which is sufficient to criminalize the act, and the necessary level of protection cannot be achieved by other measures and with the observance of the permissible level of state intervention. In this understanding, sexual relations as a subsumee of sexual offences has a narrower scope of content than sexual relations in general, which determines the rationality of listing in the title of Chapter 18 of the Criminal Code of the RF the most important principles of sexual relations: sexual freedom, sexual inviolability, moral and sexual development of juveniles.

Key words: sexual freedom, sexual inviolability, sexual relations, morality, sexual development of juveniles.

В доктрине уголовного права принято считать, что содержание видового объекта любого преступления находит отражение в наименовании главы УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за его совершение. В соответствии с этой идеей видовым объектом половых преступлений следует признавать половую свободу и половую неприкосновенность личности. Однако в теории уголовного права устоялась позиция о том, что половая свобода и половая неприкосновенность составляют содержание непосредственного объекта преступлений, предусмотренных ст. 131-135 УК РФ [см., например, Тыдыкова 2022: 33-39], а видовым объектом рассматриваемой группы преступлений является сложившийся нормальный уклад половых отношений, определяемый моралью общества [см., например, Яковлев 1969: 11]. При таком подходе указание в наименовании главы 18 УК РФ на половую свободу и половую неприкосновенность можно объяснить желанием законодателя обозначить наиболее значимые компоненты такого уклада, посягательства на которые несут в себе заряд достаточной для криминализации степени общественной опасности. Кроме того, термин «уклад половых отношений» не имеет ни легального, ни устоявшегося в праве содержания, что делает его непригодным для использования в тексте уголовного закона.

В литературе была высказана позиция о том, что порядок (уклад) сексуальной (половой) жизни как объект половых преступлений можно определить как установленную в государстве нормативно-правовую модель сексуальных действий и отношений, которая в конкретный исторический период развития соответствует интересам личности, общества и государства в их приоритетном значении [Стетюха 2015: 184]. Сложно согласиться с таким подходом, так как он связан с попыткой представить в нормативной форме отношения, которые не могут быть оформлены в виде предписаний и правил. Они допускают минимальный уровень вмешательства государства, который может заключаться в установлении ответственности за наиболее опасные посягательства в этой сфере. Поэтому традиционно используемый для определения видового объекта исследуемых преступлений термин «уклад», предполагающий высокую степень определенности, также видится неудачным. Возможно, он терминологически и подчеркивает, что порядки в этой сфере складываются самим обществом, а не устанавливаются извне, но разрозненность представлений об исследуемой сфере в обществе, что вполне допустимо, ставит вопрос о возможности выявить аспекты, разделяемые всеми членами общества, которые формируют такой уклад.

С учетом того, что объектом любого преступления являются общественные отношения, а идея определения видового объекта в том, чтобы выявить совокупность максимально сходных общественных отношений, взятых под охрану отдельной группой норм [Подройкина 2023: 151], видовым объектом рассматриваемой группы преступлений можно определить половые отношения. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» использует данный термин, но не раскрывает его содержание. Исходя из контекста его использования, такие отношения можно определить как взаимодействие между людьми с целью удовлетворения половой потребности. Так как способы удовлетворения половой потребности разнообразны, то и содержание таких отношений вариативно и может включать как взаимодействие, связанное с непосредственным физическим контактом (например, половой акт, мануальные сексуальные действия), так и не связанное (например, демонстрация мастурбации). Следует оговориться, что удовлетворение половой потребности может достигаться и вне отношений с другим человеком (например, путем мастурбации), однако это обстоятельство само по себе не исключает такие действия из сферы половых отношений, так как они могут затрагивать права и интересы других лиц в рассматриваемой сфере. Особенности взаимодействия в рамках удовлетворения половой потребности определяются, в первую очередь, традициями и личными предпочтениями. Такие отношения включают множество компонентов личного характера, не требующих (и не терпящих) ни правового регулирования, ни уголовно-правовой охраны. Общественный характер они могут носить только тогда, когда затрагивают права и законные интересы других лиц. Закон, особенно уголовный, может вмешиваться в такие отношения в минимальных объемах, так как все, что не нарушает прав и законных интересов третьих лиц, может и не признаваться нормой с позиции общества или его большей части, но при этом не требует нормативного регулирования или ограничений. Справедливо отмечал П. И. Люблинский, что уголовный закон непригоден для проповеди моральных воззрений, но способен помешать социально-опасным действиям в половой области причинить вред более важным ценностям [Люблинский 1925: 8]. Уголовный закон должен охранять только наиболее значимые принципы таких отношений, нарушение которых может приводить к причинению конкретной личности существенного вреда или создавать опасность причинения такого вреда. Принципиально важным видится необходимость включения в круг последствий, подлежащих оценке, только вреда, который может быть причинен конкретному человеку, что связано с глубоко личным характером рассматриваемых отношений. Включение в объем таких последствий и вреда государству или обществу в целом неосновательно расширяло бы рассматриваемый объект, включая в него и, например, компоненты общественной нравственности, морали, искажая суть принципов возникновения и реализации рассматриваемых отношений. Поэтому нельзя согласиться с высказываемой в науке уголовного права идеей включения ст. 2401 УК РФ в гл. 18 УК РФ [Гусарова 2017: 95-96], как и с идеей о переносе всех статей об ответственности за принуждение к проституции в главу 18 УК РФ [Пантюхина 2019: 125]. О необходимости учета различий этих преступлений при их криминализации говорят и другие исследователи [см., например, Пертянина 2018: 393]. То обстоятельство, что примечание к ст. 73 УК РФ для целей этой статьи, а также статей 79, 80, 82 и 97 УК РФ к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, относит преступления, предусмотренные не только ст. 131-135, но и ст. 240, 241, 242, 2421 и 2422 УК РФ,

совершенные в отношении лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, отнюдь не означает, что объектом этих преступлений является половая неприкосновенность. С учетом того, что ни одно из преступлений, предусмотренных ст. 240, 241, 242, 2421 и 2422 УК РФ, совершенных в отношении лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, не может быть совершено вне совокупности с одним или несколькими преступлениями, предусмотренными ст. 131–135 УК РФ, предложенная «фикция» обоснована тем, что было бы нелогично неприменение указанных институтов Общей части УК РФ к одному преступлению с сохранением такой возможности применительно к неразрывно связанным с ним преступлениям. Хотя некоторыми авторами высказана и критика такого решения законодателя [Антонова 2018: 85].

Анализ норм главы 18 УК РФ показывает, что они также направлены и на охрану нравственности в той части, в которой охраняют нравственное и половое развитие несовершеннолетних, традиционно признаваемые дополнительным непосредственным объектом половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних потерпевших. Однако нравственность, охраняемая главой 18 УК РФ, включает только личностный срез, но никак не общественный, который охраняется нормами главы 25 УК РФ, как и следует из ее наименования.

Определения объектов таких посягательств и их влияния на криминализацию и дифференциацию ответственности за них не может формироваться произвольно или вне фактора социальной обусловленности. При ином решении вопроса уголовно-правовой запрет не будет воспринят обществом, что приведет к его латентным нарушениям, а также поиску способов иного толкования признаков для коррекции правоприменения. Однако соответствующие представления, господствующие в обществе, нигде не зафиксированы, изменчивы и даже могут быть неоднородны. Изменчивость представлений в этой сфере обусловлена динамикой общественных отношений и их постоянными трансформациями под влиянием социальных, экономических, технологических и иных процессов [Кон 2004: 82-84]. А неоднородность связана с тем, что представления о процессах и явлениях частного характера не могут быть одинаковыми у большого числа людей. Тем более что эти представления имеют не только и даже не столько социальную обусловленность, сколько биологическую и эмоциональную, и формируются, а также трансформируются на протяжении всей жизни под влиянием большого числа факторов, в том числе личного опыта, как положительного, так и отрицательного. Поэтому необходимо определить только те принципы половых отношений, нарушение которых может влечь наступление вреда той степени общественной опасности, которая достаточна для криминализации деяния, а необходимый уровень защиты не может быть достигнут другими мерами и при соблюдении допустимого уровня вмешательства государства. Поскольку представления об оценке различных отношений, как и способы причинения им вреда, меняются с течением времени, то необходим мониторинг таких изменений в целях своевременного изменения закона.

Значение верного определения объекта, требующего уголовно-правовой охраны, является определяющим для построения всей системы половых преступлений. Верная оценка объекта также позволит определить возможности воздействия на соответствующие нарушения иными отраслями права. Например, недопустимыми во все времена считались сексуальные отношения между родственниками (инцест), однако УК РФ не содержит соответствующего состава преступления. Проект УК РСФСР 1922 г. содержал статью об ответственности за половое сношение между мужчиной и женщиной, состоящих между собой в тех степенях родства, при которых запрещено вступление в брак. Следует согласиться с теми авторами, которые в качестве причины отказа в признании этого деяния составом преступления указывают на то, что недопустимость подобного деяния массово воспринята обществом в качестве морального запрета [Паршин 2013: 103]. Кроме того, такой запрет транслируется и положениями большинства религий. В настоящее время ст. 14 Семейного кодекса РФ не допускает заключение брака между близкими родственниками (родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами). Видится, что в настоящее время данная норма является достаточной, хотя и не фиксирует запрета на половые отношения между указанными лицами. В уголовном законодательстве некоторых стран соответствующие составы преступлений имеются, например в законодательстве Албании, Австралии, Норвегии, Австрии, Пакистана, Швеции, Англии, Канады, Чехии, Дании, Эстонии, Нигерии, Тайвани, Замбии, Уганды [Бимбинов 2021: 38]. Чтобы говорить о необходимости аналогичного состава преступления в УК РФ, нужно провести анализ оснований криминализации. Так как иного вреда, кроме нарушения морального запрета, при добровольном совершении таких действий не наступает, подобные действия не являются распространенными, а норма семейного законодательства является достаточной, оснований для криминализации в данный момент времени не усматривается. При обосновании соответствующего уголовно-правового запрета отдельными авторами указывается на угрозу генетических отклонений у детей, рожденных в результате кровосмесительных связей в первом поколении, и риск накопления рецессивных наследственных дефектов у последующих поколений [Бобджонова 2020: 6-10; Дьяченко 2014: 27]. Однако рождение детей с патологиями возможно и у родителей, страдающих различными заболеваниями, а также и у здоровых родителей. Неубедительность доводов с позиции евгеники также была одной из причин, по которой такое деяние было исключено из проекта УК РСФСР 1922 г. [Жижиленко 1927: 9].

Данное обстоятельство следует рассмотреть в качестве квалифицирующего в нормах об ответственности за половые преступления. Но нельзя исключать появление необходимости криминализации таких действий при возникновении соответствующих оснований в будущем. Хотя и сегодня высказываются идеи о необходимости закрепления соответствующего состава преступления в главе 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних» [Каменева 2016: 19].

В определенный исторический период половым преступлением признавались и сексуальные контакты с животными. Например, Артикул Воинский 1715 г. предусматривал за такое деяние телесные наказания, Уложение 1845 г. – лишение всех прав и преимуществ и исправительные работы [Чепуров 2015: 218-219]. В настоящее время такое деяние не может рассматриваться как преступление против половой свободы или половой неприкосновенности личности, так как при его совершении никакому аспекту половых отношений между людьми не причиняется общественно опасного вреда. Только нравственные характеристики деяния не могут быть основанием криминализации. Такое деяние при наличии соответствующих признаков может быть квалифицировано по ст. 245 УК РФ. Действия сексуального характера, совершаемые при использовании животных, могут подпадать под признаки норм, предусмотренных главой 18 УК РФ, если причиняют вред половой свободе или неприкосновенности личности, но животное в таком случае является средством совершения преступления.

Уголовное право может устанавливать ответственность за нарушение наиболее важных принципов таких отношений от общественно опасных посягательств: гарантированность половой свободы, обеспечение половой неприкосновенности, нравственного и полового развития несовершеннолетних. Необходимость уголовно-правовой охраны названных принципов обусловлена, в том числе, их конституционной значимостью (ст. 22, 41 Конституции РФ), а также возможностью наступления общественно опасных последствий (существенного вреда) в результате их нарушения.

Таким образом, видовым объектом рассматриваемой группы преступлений следует признать отношения по поводу обеспечения наиболее важных принципов половых отношений, нарушение которых может причинить существенный вред личности или создать угрозу причинения такого вреда. Такой подход позволит адекватно определить группу таких преступлений, не допуская неосновательного ее расширения за счет включения тех, что могут быть связаны с взаимодействием людей, на которое так или иначе оказывает влияние половая принадлежность и даже прямо или косвенно связанные с удовлетворением половой потребности, но посягающие на иной объект (например, связанные с незаконным изготовлением и оборотом порнографии, вовлечением в занятие проституцией). В таком понимании половые отношения как видовой объект половых преступлений имеет более узкое содержание, чем половые отношения вообще, что делает невозможным традиционный подход закрепления видového объекта в названии главы УК РФ [Кругликов 2018: 6] и обуславливает рациональность перечисления в наименовании главы 18 УК РФ наиболее важных принципов половых отношений.

Литература

- Антонова Е. Ю., Кириллов М. А. Дифференциация уголовной ответственности за преступления сексуальной направленности в отношении малолетних и несовершеннолетних лиц: анализ законодательных новелл / Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 82-89.
- Бимбинов А. А. Перспективы установления уголовной ответственности за инцест / Вестник Российской правовой академии. – 2021. – № 4. – С. 35-40.
- Бобджонова О. Б., Абдурахманова Ф. М., Шарипова М. Б. Родственный брак: современное состояние проблемы / Проблемы репродукции. – 2020. – № 26 (3). – С. 6-10.
- Гусарова М. В. Несовершеннолетние как особый объект преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности / Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 3 (29). – С. 93-97.
- Дьяченко А. П., Цымбал Е. И. Инцест и его уголовно-правовая оценка / Уголовное право. – 2014. – № 4. – С. 27-32.
- Жижиленко А. А., Оршанский Л. Г. Половые преступления. Л., 1927.
- Каменева А. Н. Инцест: уголовно-правовой аспект / Российский следователь. – 2016. – № 15. – С. 16-19.
- Кон И. С. Сексология: учебное пособие. М., 2004.
- Кругликов Л. Л., Сантасов А. Л., Патрахина К. Б. Дифференциация ответственности за половые преступления с участием несовершеннолетних / Пенитенциарная наука. – 2018. – № 42. – С. 4-11.
- Люблинский П. И. Преступления в области половых отношений. М., 1925.
- Пантюхина И. В. Принуждение к занятию проституцией как особый вид понуждения к действиям сексуального характера / Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 118-128.
- Паршин Н. М. Проблемы уголовной ответственности за инцест: история и современность / Общество и право. – 2013. – № 2 (44). – С. 102-106.
- Пертянина О. А., Куликов Р. С. Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 2401 УК РФ): особенности юридической оценки / Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – № 3. – С. 390-394.
- Стетюха М. П. Правовой порядок (уклад) сексуальной жизни как объект половых преступлений (некоторые аспекты) / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11 (61). – С. 181-185.
- Тыдыкова Н. В. О понятии и содержании половой свободы и половой неприкосновенности как объектах половых преступлений / Юрислингвистика. – 2022. – № 26 (37). – С. 33-39.
- Уголовное право. Общая часть. Семестр 1: учебник для вузов / И. А. Подройкина [и др.]. М., 2023.
- Чепуров В. В. Построение санкций за половые преступления в российском уголовном законодательстве XVII-XIX вв. / Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 1. – С. 217-219.
- Яковлев Я. М. Половые преступления. Душанбе, 1969.

References

- Antonova, E. Y., Kirillov, M. A. (2018). Differentiation of criminal responsibility for sexual offences against minors and minors: analysis of legislative novelties. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4 (44), 82-89 (in Russian).
- Bimbinov, A. A. (2021). Prospects for establishing criminal liability for incest. *Vestnik of the Russian Law Academy*, 4, 35-40 (in Russian).
- Bobdzhonova, O. B., Abdurakhmanova, F. M., Sharipova, M. B. (2020). Kinship marriage: the current state of the problem. *Problems of Reproduction*, 26 (3), 6-10 (in Russian).
- Chepurov, V. V. (2015). Construction of sanctions for sexual offences in Russian criminal legislation XVII-XIX c.c. *Theory and practice of social development*, 1, 217-219 (in Russian).
- Criminal Law. General part. Semester 1: textbook for universities (2023). I. A. Podroikina [et al]. Moscow (in Russian).
- Dyachenko, A. P., Tsymbal, E. I. (2014). Incest and its criminal-legal assessment. *Criminal Law*, 4, 27-32 (in Russian).
- Gusarova, M. V. (2017). Minors as a special object of crimes against sexual freedom and sexual inviolability of the person. *Bulletin of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3 (29), 93-97 (in Russian).
- Kameneva, A. N. (2016). Incest: criminal-legal aspect. *Russian investigator*, 15, 16-19 (in Russian).
- Kon, I. S. (2004). *Sexology: textbook*. Moscow (in Russian).
- Kruglikov, L. L., Santashov, A. L., Patrakhina, K. B. (2018). Differentiation of responsibility for sexual offences involving minors. *Penitentiary Science*, 42, 4-11 (in Russian).
- Lublinsky, P. I. (1925). *Crimes in the field of sexual relations*. Moscow (in Russian).
- Pantuykhina, I. V. (2019). Coercion to prostitution as a special type of coercion to actions of a sexual nature. *Legal State: Theory and Practice*, 1, 118-128 (in Russian).
- Parshin, N. M. (2013). Problems of criminal responsibility for incest: history and modernity. *Society and Law*, 2 (44), 102-106 (in Russian).
- Pertyanina, O. A., Kulikov, R. S. (2018). Receipt of sexual services of a minor (Art. 2401 of the Criminal Code of the Russian Federation): features of legal assessment. *Bulletin of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3, 390-394 (in Russian).
- Stetyukha, M. P. (2015). Legal order (way of life) of sexual life as an object of sexual offences (some aspects). *Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Issues of theory and practice*, 11 (61), 181-185 (in Russian).
- Tydykova, N. V. (2022). On the concept and content of sexual freedom and sexual inviolability as objects of sexual offences. *Jurilinguistics*, 26 (37), 33-39 (in Russian).
- Yakovlev, Y. M. (1969). *Sexual offences*. Dushanbe (in Russian).
- Zhizhilenko, A. A., Orshansky, L. G. (1927). *Sexual offences*. Saint Petersburg (in Russian).
-

Citation:

Тыдыкова Н. В. О проблеме понимания видового объекта половых преступлений // Юрислингвистика. – 2025 – 36. – С. 59-63.

Tydykova N. V. (2025) On the Problem of Understanding the Subsumee of Sexual Offences. *Legal Linguistics*, 36, 59-63.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
